

УДК 82

ПРИРОДА ПАРАДОКСА (ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ)

© 2014 г.

Л.М. Широкова

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

shirokova@mail.ru

Поступила в редакцию 22.04.2013

Рассматривается история понятия «парадокс» с целью выявить его сложную междисциплинарную природу. Высказывается мысль о том, что трудности определения понятия «парадокс» связаны с его фундаментальной познавательной природой, которая по-разному реализуется в различных сферах разумной человеческой деятельности. В литературе парадокс актуализируется в переходные эпохи, в творчестве авторов, высказывающих новаторские мысли, порывающие с догматизмом и традицией. Понятие «парадокс» тесно связано с понятием «здравый смысл», который часто становится опорой поверхностных суждений уходящей культуры, не принимающей новаторство.

Ключевые слова: парадокс, «здравый смысл», коаны, Эразм Роттердамский, Уайльд.

Трудности в определении понятия «парадокс» связаны с тем, что сам термин этот имеет междисциплинарную природу. Он функционирует в таких науках, как логика, математика, риторика, литературоведение. Существует парадокс Белея в бухгалтерии, парадокс Фехнера и парадокс Р. Лапьера в психологии, парадоксальный эксперимент кота Шрёдингера и парадокс друга Вигнера в квантовой физике, парадокс Бертрана Рассела.

Как видно из перечисленных примеров, понятие «парадокс» применяется по отношению к различным сферам человеческой деятельности, однако само слово «парадокс» используется в одном значении: соединение противоречивого или противоположного. Именно это является сущностной характеристикой определения парадокса, которое в общем виде звучит так: парадокс – это такая ситуация в научном познании, которая характеризуется наличием двух противоположных утверждений.

Парадокс может существовать в каждом типе знания: как в теоретическом, абстрактном (логика, бухгалтерия, риторика), так и в эмпирическом типе знания, фактуальном, основанном на опыте (химия, физиология, психология). Это свидетельствует о том, что парадокс – это явление, скорее характеризующее свойственный человеку способ познания, его мышление и возможности разума на пути к познанию истины, нежели результат человеческой деятельности в одной области знаний.

С помощью парадокса человек проверяет пределы своего разума: путем логичных рассуждений он приходит к противоречию, которое потом пытается преодолеть. А преодолеть противоречие он может тогда и только тогда, когда

изменит направление своей мысли. Эта особенность отражена в более широком понимании парадокса как «утверждения, расходящегося с общепринятыми, устоявшимися мнениями, отрицания того, что представляется «безусловно правильным». Часто парадоксальным называют странное, неожиданное, новое явление. Уже Аристотель определяет парадокс не только как «высказывание вопреки общему мнению», но также и как высказывание, «противоречащее прежде пробужденному ожиданию» [1].

Изначально парадокс возник как риторическая фигура в рамках ораторского искусства. Аристотель определяет эту область знаний следующим образом: «Риторика – искусство, соответствующее диалектике, так как обе они касаются таких предметов, знакомство с которыми может некоторым образом считаться общим достоянием всех и каждого и которые не относятся к области какой-либо отдельной науки» [1]. В античности ораторское искусство было одним из ведущих видов человеческой деятельности, с помощью которого поддерживалась юридическая, политическая, социальная жизнь. Междисциплинарный характер риторики во многом определил будущую судьбу парадокса, который впоследствии получил несколько терминологических значений в разных областях знания, в том числе и в литературоведении.

«Новый литературный словарь» определяет парадокс следующим образом: «Это глубокое по значению, но резко противоречащее здравому смыслу суждение» [2, с. 209]. Именно понятие здравого смысла является ключевым для понимания природы парадокса как явления и как литературного приема. Если обобщить определения философских словарей, то под здра-

вым смыслом понимают «совокупность взглядов людей на окружающую действительность и самих себя, используемых в повседневной практической деятельности и лежащих в основе моральных принципов». Здравый смысл реализуется на социальном уровне, связан с опытом прошлого и направлен в будущее. Здравый смысл неразрывно связан с традицией, в чем проявляются его положительная и отрицательная стороны. Парадокс подвергает критике здравый смысл именно с точки зрения его отрицательных характеристик, когда он (здравый смысл) ограничивается поверхностным взглядом на суть явлений, иногда становясь опорой догматизма, нетерпимости по отношению к новаторской мысли, порывающей с догматизмом и привычными традиционными схемами. Парадокс как прием актуализируется в переходные эпохи, когда одна формация сменяет другую.

Так, например, в эпоху Возрождения, когда устанавливалась новая парадигма мышления, резко отрицающая средневековую схоластику, появляется парадоксальная работа Эразма Роттердамского «Похвала глупости», в которой он пишет похвальную речь Глупости и низвергает мудрость с той высоты, на которую ее поместили античные философы. Мысль достаточно парадоксальная, тем более что сам Эразм был виднейшим философом-гуманистом своего времени. Однако именно поиск истины определил парадоксальный подход автора, поскольку парадокс (хотя само слово «парадокс» не звучит у Эразма ни разу) является лучшим способом раскрыть догматизм привычных суждений.

Эразм очень тонко ощущает специфику парадокса, поскольку эссе его носит ярко выраженный философский характер: он вступает в диалог с традиционными представлениями философов разных эпох и начинает с античности. Отсюда многочисленные отсылки и цитаты Платона, Сократа, стоиков и других античных философов. Надо отметить, что именно древнегреческая философия как основа классической философии становится предметом издевательств со стороны Глупости. Но при этом эссе не имеет формы философского трактата, жанровая специфика которого достаточно расплывчата. Сам автор в предисловии сообщает о том, что он обращается к традиционному художественному жанру похвалы. Таким образом, еще не дав название предмету своего пристального изучения, он воплощает когнитивную, философскую природу парадокса в художественном образе – образе олицетворенной Глупости, от чьего лица и идет повествование. Весь текст подчинен главной идее, которая и есть суть парадокса:

«Если же под рассудительностью разуметь способность правильно судить о вещах, то

послушайте, молю вас, сколь далеки от нее те, кто всего более похваляется этой способностью. Прежде всего, не подлежит сомнению, что любая вещь имеет два лица, подобно Алкивиадовым силам, и лица эти отнюдь не схожи одно с другим. Снаружи как будто смерть, а загляни внутрь – увидишь жизнь, и, наоборот, под жизнью скрывается смерть, под красотой – безобразие, под изобилием – жалкая бедность, под позором – слава, под ученостью – невежество, под мощью – убожество, под благородством – низость, под весельем – печаль, под преуспеванием – неудача, под дружбой – вражда, под пользой – вред; коротко говоря, сорвав маску с Силена, увидишь как раз обратное тому, что рисовалось с первого взгляда» [3].

Эразм приводит многочисленные доказательства, согласно которым Глупость ценнее Мудрости, что поначалу кажется парадоксальным. Однако постепенно Эразм отождествляет глупость с эмоциями и чувственным аспектом бытия человека, а мудрость с одним лишь рассудком и поворачивает свое рассуждение таким образом, что глупость присуща человечеству изначально как роду. Без ее участия немислимы любовь, дружба, веселье и прочие жизненные ценности, без которых человек не может жить: «Нет, не ими, а мною заведено все это для блага человеческого рода. Свойство этих обычаев таково, что чем больше в них глупости, тем полезнее они смертным, ибо, если жизнь печальна, она не заслуживает даже названия жизни. А жизнь непременно будет Печальной, ежели не изгонять рожденную с нею вместе тоску подобного рода забавами» [3].

Таким образом, Эразм приходит к естественному выводу, что тот человек, о котором мечтали древнегреческие мудрецы, попросту невозможен. Характерно, что именно парадоксальное мышление Эразм использует для того, чтобы оспорить некоторые положения античных философов, и здесь мы видим ту диалектическую природу парадокса, которая позволяет переосмысливать традиционные понятия, часто не отвечающие реальной действительности и граничащие с догматизмом.

Другим примером парадокса, в котором, однако, философский аспект уходит на второй план, уступая место художественному, риторическому, стали парадоксы Оскара Уайльда, чье творчество пришлось на рубеж XIX–XX вв. Он ознаменовал собой эпоху декаданса, критики буржуазного общества, однако являясь при этом его представителем. Именно ему принадлежат блестящие парадоксы, как, например:

1. «Мелкие горести и неглубокая любовь живучи. Великая любовь и великое горе гибнут от избытка своей силы».

2. «На нечто смотреть и это нечто видеть – абсолютно разные вещи».

3. «Совесть и трусость, в сущности, одно и то же. «Совесть» – официальное название трусости, вот и все» («Портрет Дориана Грея»).

4. «Сердце живет ранами. Наслаждение может превратить сердце в камень, богатство может иссушить его, но горе... нет, горе не может разбить его» («Женщина не стоящая внимания»).

Как видно из примеров, О. Уайльд критикует привычные утверждения, в основе которых лежит здравый смысл и опыт прошлого. Уже с первого взгляда очевидны некоторые структурные особенности, такие как афористичность, изящество стиля и краткость. Нужно отметить, что еще Аристотель обратил внимание на эти свойства парадокса. В трактате «Риторика» в 11 главе, посвященной изящным выражениям, Аристотель после загадок и шуток упоминает парадокс и называет некоторые его особенные черты: «Большая часть изящных оборотов получается с помощью метафор и посредством обманывания [слушателя]: для него становится яснее, что он узнал что-нибудь [новое], раз это последнее противоположно тому, [что он думал]; и разум тогда как бы говорит ему: "Как это верно! А я ошибался"» [1]. Далее он перечисляет приемы, которые построены на эффекте обманывания: загадки, апофтегмы и парадоксы. Парадоксы он описывает так: «[Сюда же относится то], что Феодор называет "говорить новое (Καυδ)"; это бывает в том случае, когда [мысль] парадоксальна и когда она, как говорит Феодор, не согласуется с ранее установившимся мнением, подобно тому, как в шутках употребляются измененные слова; то же действие могут производить и шутки, основанные на перестановке букв в словах, потому что [и тут слушатель] впадает в заблуждение» [1]. Как видно, парадокс относится к сфере восприятия, и основные чувства, которые он вызывает, – это заблуждение, непонимание, наслаждение от открывшейся истины. Аристотель называет еще одно условие, согласно которому удовольствие от восприятия парадокса должно усиливаться: фраза должна быть короткой, и чем сильнее контраст утверждаемых смыслов, тем фраза удачнее.

Итак, Аристотель характеризует парадокс как фразу, содержащую новую мысль, противоречащую ранее устоявшемуся мнению, и чем сильнее противоречие, тем полнее содержание фразы.

Цицерон во вступлении к «Парадоксам стоиков» дает следующее определение: «Мне захотелось попытаться вывести на свет, то есть применить на форуме эти мысли, которые в си-

лу своей удивительности и полной противоположности общепринятым мнениям самими же стоиками называются парадоксами» [3, с. 456].

Итак, мы рассмотрели античные определения парадокса, которые приближают нас к пониманию его как литературного приема, поскольку риторика гораздо ближе к литературе, нежели логика с ее абстрактными и точными формальными законами. Парадокс имеет четкие структурные особенности, такие как краткость и афористичность, а противоречие, лежащее в основе парадокса, всегда актуализирует контекст и критикует здравый смысл, которого недостаточно для поиска истины. Парадокс подчеркивает субъективность человеческого мышления и восприятия, ограниченность сознания, не способного охватить реальность во всей ее противоречивости и глубине. Особенно явно это видно на примере риторических парадоксов, заключающихся в противоречии между членами высказывания, как например: «Когда со мной соглашаются, я чувствую, что неправ», или «Красота – это величайшее чудо. Только поверхностные люди не судят по внешности» (О. Уайльд), «Только слепой узрит Бога». Чтобы снять противоречие, достаточно поменять точку зрения.

«Парадокс часто описывает не объективное противоречие в наблюдаемой действительности, а вытекает в большинстве случаев из точки зрения субъективного, сосредоточенного на каком-либо особом аспекте наблюдателя. Взаимоисключающими являются не столько стороны самой действительности, сколько применяемые к ним точки зрения» [4, с. 14].

С этой особенностью связана функция парадокса как особого метода познания: он содержит некое противоречие (между двумя сторонами бытия или двумя точками зрения), замедляет понимание, приводит воспринимающего в напряжение, вызывает усиление мышления и в итоге ведет к обнаружению скрытой истины, которая разоблачает «доксу», показывая ее иллюзорность. Раскрытие «доксы» как иллюзорного, ошибочного мнения делает парадокс источником, средством существенной, глубокой истины. Установка на скрытую до сих пор истину является постоянным компонентом пространственных определений парадокса: «Парадокс эффектным образом ставит две величины в поразительные, казалось бы, противоречащие отношения, раскрывая, таким образом, в большей или меньшей степени сокрытое положение вещей» [4, с. 15].

Примером такого парадокса могут стать наиболее яркие афоризмы О. Уайльда: «Истина не зависит от фактов» или, например, «Всякий

может выразить искренние чувства по поводу несчастий друга, но требуется поистине утонченная натура, чтобы выразить искренние чувства по поводу его успеха».

Первоначальные функции парадокса сохранились еще со времен античности, где в судебной риторике парадокс был прежде всего средством убеждения, которое должно было заставить слушателя принять чужую точку зрения. При этом истина, сокрытая в парадоксе, постоянно ускользает, смысл парадокса снова становится непонятным, даже при повторном прочтении.

Парадокс как метод познания, безусловно, относится к диалектике, когда истина рождается в столкновении противоречий. Родоначальником диалектики считается Зенон, чьи апории являются классическими образцами антиномии, или логических парадоксов. Согласно диалектическому подходу бытие противоречиво: оно едино и множественно, вечно и преходяще, неизменно и изменчиво, покоится и движется. Противоречие есть необходимое условие для побуждения сознания к размышлению. Парадокс естественным образом возникает в колебании между двумя взаимоисключающими истинами, однако его собственная истина не поддается прямому выражению. Парадокс невозможно понять, ему необходимо поверить. Он требует разгадки и одновременно противится ей. Парадокс — это процесс становления и поиска истины на наших глазах. Парадокс — это явление опрокидывания понимания, резкой смены точек зрения.

В этом плане парадоксы близки коанам, возникшим на Востоке в рамках буддийской практики. Термин «коан» представляет собой японское произношение китайского «гуньянь», что буквально означает «публичный отчет», «общественный акт». Этимология этого слова показывает, что коаны предназначались для общения, часто публичного, между учителем буддийской общины и его учениками. Определить коан можно следующим образом: это краткий диалог, чаще всего в форме вопроса и ответа, между элементами которого на первый взгляд отсутствует логическая связь. Вследствие этого коан производит впечатление алогичной, иррациональной загадки, парадоксальной задачи, не имеющей рационального решения средствами дискурсивного, логического мышления. В самом деле, не таким ли кажется, например такой коан: *Учитель Тодзан взвешивал лен, когда монах спросил его: «Что есть Будда?» Тодзан ответил: «Этот лен весит три фунта»* [5, с. 322]. Коаны должны вызвать у ученика напряженное состояние сознания, однако рассудок при этом

должен быть спокоен, коан постигается во многом интуитивным способом. Для восточной философии разум всегда является преградой, истину можно познать только эмоциональными и волевыми центрами, которые составляют действительную основу личности. Коан ставит человека в экстремальную психологическую ситуацию, в которой начинает интенсивно работать его ум: прекращается блуждание, преодолевается ограниченность, совершается выход за пределы разума, и таким интуитивным образом постигается высшая мудрость. Необходимо отметить, что, несмотря на общую диалектическую природу парадоксов и коанов, они различны по своим функциям. Коан иррационален и метафизичен, он диалектичен в той глубине, которая недоступна европейскому мышлению. Коан отсылает к высшей духовности, и его главная цель — познать бытие, таким образом, можно сказать, что он онтологичен. Коан нацелен на ту истину, которая недоступна человеку, не говоря уже о том, что он не является ее носителем. Эта истина не связана со знанием или личностью, эта истина рождена единством бытия и небытия, она отражается в каждом предмете и рассеяна в пространстве.

Между тем парадокс не выполняет столь глубоких функций, в этом плане он далек от восточной диалектики. Если речь идет о логическом парадоксе, то это чистого вида рациональная конструкция, которая призвана доказать ограниченность логики. Если говорить о парадоксе как литературном приеме, то он в большей степени относится к социуму и тому типу знания, который определяется как здравый смысл, имеющий стереотипную природу.

Список литературы

1. Аристотель. Риторика [Электронный ресурс]: Электронная библиотека. Режим доступа: <http://lib.ru/>
2. Гурьева Т.Н. Новый литературный словарь. Ростов н/Д.: Феникс, 2009. 364 с.
3. Эразм Роттердамский. Похвала глупости [Электронный ресурс]: Электронная библиотека. Режим доступа: <http://lib.ru/>.
4. Марк Таллий Цицерон. О пределах блага и зла. Парадоксы стойков / Пер. с лат. Н.А. Федорова. М.: РГГУ, 2000. 474 с.
5. Шмид В. Заметки о парадоксе // В. Маркович, В. Шмид. Парадоксы русской литературы: сб. ст. СПб., 2001. С. 9–16.
6. Майданов А.С. Суть парадоксов и их классификация [Электронный ресурс]: Информационный портал. Режим доступа: <http://www.braintools.ru/article/8221>.

THE NATURE OF PARADOXES (PROBLEM STATEMENT)

L.M. Shirokova

We examine the history of the concept of «paradox» in order to reveal its complex and multi-disciplinary nature. It is suggested that the difficulty of defining the concept of «paradox» is related to its fundamental cognitive nature, which is realized in different ways in various spheres of human endeavor. In literature, the paradox is actualized in the times of transition, in the works of authors who express innovative ideas that break with dogma and tradition. The concept of «paradox» is closely connected with the notion of «common sense», which is often the mainstay of superficial judgments of the outgoing culture that does not accept innovation.

Keywords: paradox, «common sense», koans, Erasmus of Rotterdam, Wilde.

References

1. Aristotel'. Ritorika [Ehlektronnyj resurs]: Ehlektronnaya biblioteka. Rezhim dostupa: <http://lib.ru/>
2. Gur'eva T.N. Novyj literaturnyj slovar'. Rostov n/D.: Feniks, 2009. 364 s.
3. Ehrasm Rotterdamskij. Pohvala gluposti [Ehlektronnyj resurs]: Ehlektronnaya biblioteka. Rezhim dostupa: <http://lib.ru/>.
4. Mark Tallij Ciceron. O predelah blaga i zla. Paradoxsy stoikov / Per. s lat. N.A. Fedorova. M.: RGGU, 2000. 474 s.
5. Shmid V. Zametki o paradokse // V. Markovich, V. Shmid. Paradoxsy russkoj literatury: sb. st. SPb., 2001. S. 9–16.
6. Majdanov A.S. Sut' paradoksov i ih klassifikaciya [Ehlektronnyj resurs]: Informacionnyj portal. Rezhim dostupa: <http://www.braintools.ru/article/8221>.